

УДК 882-31 Распутин.06

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-3-65–72

Д.М. Нажмутдинова, Ш.А. Мазанов

**«Последний срок» В. Распутина: время и пространство и различные формы
их воплощения в повести**

*Дагестанский государственный университет; Россия, Республика Дагестан,
367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; djama-magomedova@mail.ru*

В статье рассматривается ряд особенностей повести «Последний срок» Валентина Распутина. Цель статьи – описание категорий времени и пространства и некоторых форм их воплощения в названном произведении. Описаны следующие темы и проблемы: авторская речь, близкая манере речи героев; внесюжетные элементы (описания природы или воспоминаний героев, авторские отступления); прямые авторские оценки; жизненно достоверные, неоднозначные в своей временной переменчивости персонажи; соединение двух различных точек зрения на происходящее как значимая примета поэтики; природа и память как мерило духовной зрелости человека; образ Солнца как символ бессмертия и воскресения; несобственно-прямая речь как соединение авторского повествования и речи персонажей; образы детей и будущего в повести. Отмечено влияние Л.Н. Толстого («Смерть Ивана Ильича»); раскрыты в связи с этим тема отношения человека труда к смерти, а также «право на самораскрытие» некоторых персонажей. Научная новизна статьи состоит в выявлении различных форм выражения авторского сознания (самораскрытие персонажей, оценка героев и событий с позиций других людей), а также в описании проблем духовного состояния человека и общества, выраженных посредством разнообразных форм времени и пространства. Описываются главная героиня повести Анна, которой автор доверяет самые сокровенные свои раздумья, а также реальное, бытовое время и пространство, характерные для этой героини, одновременно причастной к вечным темам. В центре анализа – тема смерти Анны и богатство ее духовного мира, обусловленного гармоничной связью с остальным миром.

Ключевые слова: *время и пространство, автор, сюжет, память.*

Повесть «Последний срок» Валентин Распутин считал одной из самых важных в своем творчестве, оттого, наверное, и поднял в ней ключевые вопросы жизни и смерти, вечного и преходящего. Это делает наше исследование актуальным, а полученные результаты – востребованными в последующем изучении повестей В. Распутина. Научная новизна статьи состоит в выявлении таких форм выражения авторского сознания, как самораскрытие персонажей, оценка героев и событий с позиций других людей; в описании нравственных проблем, выраженных посредством различных форм времени и пространства.

В повести Валентина Распутина повествователь максимально приближен к изображаемому, словно он живет на одной земле, в одной деревне со своими персонажами: «В последние годы лето и осень как бы поменялись местами: в июне, в июле льют дожди, а потом до самого Покрова стоит красное ведро, которое и хорошо, что ведро, да плохо, что не в свое время... Погода и та стала путаться, как выжившая из ума старуха, забывать, что за чем идет» [1, с. 3].

Такая манера авторской речи, близкая манере речи героев, более характерна для изображения повседневной их жизни. Помимо сюжета в композиции повестей Распутина присутствуют и так называемые внесюжетные элементы; можно утверждать, что они порой играют даже более важную роль, чем сам сюжет, определяя и стиль повести. А стиль, как известно, является «пафосом, душой произведения, его настроением, энергетикой и мерой воздействия, силой влияния, притяжения, мерилем эстетичности и художественности» [2, с. 59].

Сюжет любого произведения – это динамическая составляющая композиции, в то время как внесюжетные элементы – статическая [3]. Внесюжетные элементы у Распутина не продвигают действие вперед, т. к. не отмечаются никакими событиями (это, например, описания природы или воспоминаний героев). Чаще всего они представляют собой авторские отступления – развернутые высказывания философского, лирического характера. Авторские отступления не всегда присутствуют в композиции произведений Распутина; они далеки от излишней стилизованности и представляют собой проекцию «сверху», словно взгляд автора парит над буднями деревенских жителей:

«День разгуливался, небо вместе с туманом отодвигалось все выше и выше, в синих, обрывающихся вдаль развоях для него уже не хватало человеческого взгляда, который пугался этой красивой бездонности и искал, что поближе, на чем можно остановиться и передохнуть. Лес, приласканный солнцем, засветился зеленью, раздвинулся шире – на три стороны от деревни, оставив четвертую для реки» [1, с. 4].

Когда автор находится на одном уровне со своими героями, он более пристрастен в своих оценках, будучи словно вовлеченным в их жизнь, сопричастным ей; в этом случае присутствуют почти прямые авторские оценки и очевидное влияние на читательское мнение [4, с. 38]. Отметим, что для Распутина не существует однозначно «положительных» и «отрицательных» героев: есть только жизненно достоверные, неоднозначные в своей временной переменчивости персонажи [5, с. 29]. В остальных случаях, по мере «удаления» авторского взгляда от центра событий, повествование обретает более объективный, даже отстраненный характер. Такое соединение двух различных точек зрения на происходящее позволяет Распутину особым образом строить свои отношения с героями и становится значимой приметой поэтики его повестей [6].

Повесть В. Распутина «Последний срок» во многом продолжает традиции Л.Н. Толстого, в частности его произведение «Смерть Ивана Ильича». Как и Толстой, Распутин затрагивает важнейшую для всякого художника тему отношения человека к смерти, где в качестве героя выступает представитель конкретного социального слоя и соответствующего психотипа. Распутин, как и Толстой, избегает законченных оценок героев, предоставляя своим героям «право на самораскрытие». Кроме того, вслед за своим великим предшественником Распутин показывает, что воскресение есть «синоним практической полезной деятельности» [7, с. 205]. «“Воскресение”, по Толстому, возможно только здесь, сейчас, на земле. Для этого надо всех всегда прощать» [7, с. 205].

В изображении смерти человека труда, особенно сельского, Распутин близок также к В. Белову («Привычное дело», «Плотничьи рассказы»), В. Шукшину («Как умирал старик»), Е. Носову («Течет речка»).

Формы выражения авторского сознания в повести Распутина разнообразны (самораскрытие персонажей, оценка героев и событий с позиций других людей), но это не лишает произведения целостности. Продолжая традиции русской классики, Распутин поднимает проблемы духовного состояния человека и общества.

В повести Распутина «Последний срок» описываются четыре последних дня в жизни старухи Анны.

Эта героиня отличается от большинства других героев Распутина возвышенностью, философичностью своих размышлений. Ей, простой, малограмотной старухе, автор доверяет самые сокровенные свои раздумья; ее глазами он видит некоторых людей и события, и нередко их голоса даже сливаются.

Старуха Анна – настоящая труженица, будни которой большей частью были наполнены однообразными повседневными хлопотами и бедны яркими событиями. Ее жизнь была «по годам вроде долгая, разная, а по памяти бедная: одно находило на одно, год на год, забота на заботу» [1, с. 34]. Как пишет автор, свой путь Анна прошла «не хитро: рожала, работала, ненадолго падала перед новым днем в постель, снова вскакивала, старела – и все» [1, с. 94]. Внешне обычная биография сельской жительницы, в которой автор акцентирует именно ее типичность, даже заурядность.

Время Анны – это реальное, бытовое время: она активно участвует в делах людей, живо интересуется всем происходящим, что обычно бывает свойственно более молодым по возрасту. Старуха не предстает идеализированным образом, святой (до конца жизни она, например, раскаивалась, что в голодные годы войны тайком доила колхозную корову), но судит себя по совести. В потоке бесконечных бытовых забот Анна сумела сохранить чуткость и совесть, человечность и чувство кровной связи со всем миром вокруг нее. Размышляя над этим, писатель периодически останавливает течение фабульного времени и выводит повествование на своего рода вневременной план, где звучат рассуждения о вечных вопросах. В подобных фрагментах позиции автора и героини сближаются, оставаясь различными в языковом, стилистическом плане.

Анна, как подчеркивает писатель, не просто старая: она «старинная», что словно усиливает и «оправдывает» ее сопричастность вечным темам. При этом она остается простодушной и наивной, что выдает ее детскую чистоту, не зависящую от реального возраста. Такой контраст только ярче оттеняет природную «естественность» героини, сочетающей в себе мудрость, проистекающую от большого жизненного опыта, и одновременно по-детски непосредственное, всегда свежее восприятие мира, сохраняемое до самых преклонных лет.

Интересно освещена тема смерти Анны: в ее изображении драматизации очень мало. Героиня воспринимает свою смерть как естественный, закономерный финал, обязательный для всего живого на земле. В свой последний путь она собирается «спокойно, без суеты и страха» [1, с. 36], и даже тайной мысли у нее не возникает, «чтобы все на свете старело и умирало вместе с ней» [1, с. 36]. Богатство духовного мира этой простой женщины обусловлено ее гармоничной связью с остальным миром: она умеет быть полезной и людям, и природе. В этом ее глубинное отличие от современного поколения в целом и от ее собственных детей в частности: Распутин, как и Л. Толстой, объясняет, «что источником всех нравственных болезней человека является эгоизм. Эгоизм – это патологическое... противоестественное состояние корыстного человека, заиканного на собственной персоне» [8, с. 18].

В последние свои дни Анна, как это ни парадоксально, существует «яснее, зорче, чем раньше, не напрягаясь для жизни, а находясь под ее осторожной охраной» [1, с. 8]. Старуха мысленно перебирает свои воспоминания, но автор не ограничивается этим: ее характер показан не только полно, но и в перспективе становления и развития (хотя ей осталось жить считанные дни); воссозданы ее речь, сознание, ее окружение и быт. Распутин изображает Анну не в отрешенном предсмертном состоянии, а погруженной в повседневные хлопоты, волнующейся по поводу своих детей, которых она желает при-

мирить перед своим уходом: «От меж собой помириться, и я ослобонюсь. Меня теперь только это и держит» [1, с. 8].

Об активном участии умирающей Анны в делах житейских говорит хотя бы тот факт, что, встретившись с подружкой Миронихой, она не на шутку начинает переживать, узнав от нее о Голубевой телке, которую задрал медведь. Для Распутина такое трепетное отношение крестьян к коровам, являвшимся, как правило, единственными кормилицами семьи, было понятно и естественно, как и особое отношение к родной избе. Ведь «дом и бездомность – две важнейшие смысловые оппозиции» [9, с. 226] этой повести, как и всей прозы Распутина.

Примечательно, что несмотря на повседневные заботы, Анна не утратила способности подниматься над этой суетой, тем более на пороге смерти, когда обостряются все чувства. Остальные герои также задумываются над тем, что каждому из них предстоит, как и Анне, подойти к финалу своей жизни, пережить то же самое. Столкновение с великим таинством смерти заставляет героев повести по-новому взглянуть на свою собственную жизнь.

Степень духовной зрелости человека в изложении Распутина определяется такими понятиями, как природа и память. Это видно на примере Анны, которая возвышается над бытом в своем стремлении увидеть в обычных явлениях окружающей жизни нечто большее, чем их привычное значение, в моменты созерцания природных явлений или в процессе воспоминаний: «Ее завораживало солнце... Старуха, напрягаясь, искала в нем что-то помимо тепла и света и не могла вспомнить, найти... Старуха верила, что, умирая, она узнает не только это, но и много других секретов, которые не дано знать при жизни, и которые, в конце концов скажут ей вековую тайну – что с ней было и что будет. Она боялась гадать об этом и все-таки в последние годы чаще и чаще думала о солнце, земле, траве, о птичках, деревьях, дожде и снеге» [1, с. 23].

С образом солнца в повести связаны категории памяти, родины. Солнце – древнейший символ, любимый всеми народами, означающий жизнь, вечную молодость, тепло и свет, – бессмертие и воскресение, рождение и пробуждение. Кроме того, этот образ обозначает героическое начало. Солнце ассоциируется у старухи с ее лучшими годами и воспоминаниями, и свою смерть Анна представляет как слияние с этим мощным светилом, растворение в его огненном море, и в таких ее представлениях слышны отзвуки языческого отношения к природным явлениям, пантеизма.

В отношении Люси этот образ также играет значительную роль. В сцене, где она смотрит вслед пароходу, на котором впервые покинула родное село, мы видим, как, «слепя, подгоняя, превращая его в сияющую игрушку, ударило сзади солнце» [1, с. 35]. Аналогичная встреча с ослепительным солнцем ждет эту героиню спустя годы, композиционно – в шестой главе, где она предается воспоминаниям. В свете этого «сияния памяти» в сознании Люси мелькают эпизоды из прошлого, которое, как оказалось, и «не исчезало совсем, а лишь отходило в сторонку, чтобы видеть, что с ней случилось... что в ней прибыло или ubyло, отозвалось или омертвело навеки...» [1, с. 21]. Солнце недружественно ослепило Люсю, и это неспроста: она оказалась не в состоянии увидеть свою жизнь в его свете, не смогла подняться над повседневным-бытовым планом, как это удавалась ее матери.

В отличие от своей дочери, Анна видит во всем что наблюдает, второй – основной – смысл, и такая душевная прозорливость объяснима в пограничной ситуации, в которой она находится, – в ситуации между жизнью и смертью. Ее мысли автор передает в форме несобственно-прямой речи, где смысл внутреннего монолога принадле-

жит самой героине, в то время как лексико-грамматические особенности изложения диктуются автором.

Если Анна знала смерть «как себя», то к жизни у нее было множество риторических вопросов: «Знать хотя бы, зачем, для чего она жила, скручиваясь в веревку, вынося на себе любой груз? Зачем?.. А оставила после себя другие жизни – хорошо это или плохо? Кто скажет? Кто просветит? Зачем?» [1, с.36]. Героиня ценит жизнь во всех ее проявлениях и красках, даже в самые, казалось бы, тяжелые или прозаические ее моменты.

Анна, находясь в реальном (повседневном) времени и пространстве, показывает понятные, вполне человеческие слабости, например несправедливую обиду на своих детей («Он давно уже мне смерть ищет, я, старуха, ему поперек горла стою» [1, с. 32]). Когда же героиня поднимается над этим бытовым планом в надвременную сферу духа, она преисполняется мудрости и милосердия и не укоряет, а ищет оправдания людям, тем более Таньчоре, которая из всех детей была ближе всего к матери по своему характеру [10, с. 93]. Дочь постоянно присутствует в мыслях Анны, в разговорах других героев.

Татьяна изображена человеком, неспособным не выполнить своих обязанностей перед матерью по какой-то недостойной причине. Именно она носитель и продолжатель всего лучшего, что было в Анне, хотя условность этого образа все же слишком велика. Мать скорее склонна обвинять себя, чем свою любимицу: «Нельзя матери столько не видеть свою дочь – тяжело перед собой, неловко перед людьми, стыдно перед Богом» [1, с. 32]. Даже перед лицом смерти Анна ждет Таньчору не для того, чтобы упрекнуть ее за долгое отсутствие, а потому, «чтобы снять со своей души грех за то, что она ее долго не видела» [1, с. 32]. В своем материнском самоотречении и всепрощении героиня находит душевные силы и мудрость допустить такую мысль, что в жизни Таньчоры и остальных ее детей может случиться что-то более важное, чем даже ее смерть.

Героиня повести «Последний срок» Люся – образованная, тонкая женщина, которую автор проводит через испытание памятью. Глава, в которой описывается ее прогулка по лесу, является композиционным центром повести. Здесь вначале особую роль играет несобственно-прямая речь: это «отрывок повествовательного текста, передающий слова, мысли, чувства, восприятия или только смысловую позицию одного из изображаемых персонажей, причём передача текста повествователя не маркируется... Несобственно-прямая речь – способ повествования, передающий в форме авторской речи прямую или внутреннюю речь персонажей, а иногда некую обобщенную точку зрения, не принадлежащую кому-либо из героев. Несобственно-прямая речь – стилистический прием соединения в одно целое авторского повествования и речи персонажей» [11, с. 34]. При изображении своих героев, и в частности Люси, Распутин очень часто прибегает к помощи названного приема.

Люся оказывается во власти своих воспоминаний, погружается в переживания своего прошлого. Здесь следует отметить, что многое в поэтике повестей Распутина, в том числе несобственно-прямая речь, было характерно и для произведений других авторов (Ф. Абрамова, В. Белова, Е. Носова и др.), часто обращавшихся к этому типу речи.

Писатель часто переходит от несобственно-прямой речи к авторскому монологу, использует символы, иносказания, так что его точка зрения остается доминирующей, хотя и прямо не проявленной. Автор не может быть всеведущим в реальной жизни, но в рамках действительности литературной авторское всеведение может стать организую-

щим центром текста. Такая позиция всеведения, с одной стороны, открывает большие возможности изображения людей и событий, но в то же время предполагает дистанцированность автора от персонажей. Повествование же от 1-го лица позволяет писателю показать художественный мир своего произведения «изнутри», но он теряет при этом свое всеведение. Такое изложение, может, и проигрывает в широте охвата действительности, зато создает впечатление большей достоверности.

Если Люсю автор погружает в сложное психологическое состояние, оценивая ее с высоты некоего «авторского всезнания», то с остальными детьми Анны он словно находится в одной пространственно-временной и ментальной плоскости. Его оценка героев выкристаллизовывается благодаря способу передаче их действий, особому построению их речи, мыслей. Авторскую точку зрения также выдают определенная расстановка образов и сцен, порядок изложения материала, связи и ассоциации разных частей произведения, сюжетные повороты и ситуации, в которые попадают герои в результате авторской воли.

Большое значение для художественного мира повестей Распутина имеют дети, которые, зачастую находясь на втором плане, вне основного действия, вносят, тем не менее, ощутимый вклад в осмысление героев и событий. Дети – это возможное будущее, перспектива для дальнейшего развития основных героев. Например, Нинка, внучка Анны, дает автору лишний повод задуматься над тем, какой она станет личностью, когда вырастет, и что кардинально повлияет на ее становление сегодня. Будучи еще ребенком, она уже умеет приспособиться, хитрить, извлекая для себя выгоду из любой, даже негативной ситуации. Автор полностью возлагает ответственность на родителей за такое воспитание девочки, изначально рожденной чистой и светлой.

Таким образом, категории времени и пространства имеют ряд форм своего воплощения в повести В. Распутина: это и меняющиеся во времени герои, и соединение различных точек зрения (в том числе и с позиций прошлого и настоящего) на происходящее как отличительная черта поэтики повести этого автора, природа и память как ключевые образы повествования, а также образы детей и будущего в повести, образы смерти и воскресения. Все это позволяет нам сделать вывод о времени и пространстве как ключевом инструментарии В. Распутина в построении сюжета, образной системы, проблематики и поэтики своих повестей. Дальнейшие возможные направления исследований состоят, как нам представляется, в выявлении конкретных изобразительно-выразительных средств, стилистических и иных языковых фигур, служащих выражением категорий времени и пространства в повести Распутина, а также способом воплощения в художественной ткани произведения авторской позиции.

Литература

1. Распутин Валентин. Последний срок. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=22931&p=1> (дата обращения: 21.04.2022).
2. Гаджихмедова М.Х. Эволюция понятия стиль художественной литературы в отечественном литературоведении // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36, вып. 3. – С. 54–61.
3. Кожемяко В.С. Валентин Распутин. Боль души. – М.: Алгоритм, 2007. – 288 с.
4. Бедрикова М.Л. Художественная концепция личности в творчестве В.Г. Распутина 1990–2000-х годов. – М., 2005.
5. Котенко И.И. Валентин Распутин. Очерк творчества. – М., 1988.

6. Пессяников К.Д. К вопросу об авторской перекодировке художественного текста // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 11. – С. 54–57.
7. Виноградова О.Н. Поучение о непротивлении злу насилием как доминанта романа Л.Н. Толстого «Воскресение» // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 5. – С. 205–209.
8. Сат Н.Д. Этический идеал в поздней прозе Л.Н. Толстого // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 2. – С. 17–22.
9. Алиева Э.К., Асадулаева Г.Х. Хронотоп романа Ф.М. Достоевского «Подросток» // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 9. – С. 224–228.
10. Сигов В.К. Автор и герой в повести В. Распутина «Последний срок» // Жанрово-стилевые проблемы советской литературы. – Калинин, 1983. – С. 91–105.
11. <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 21.04.2022).

References

1. Rasputin Valentin. Poslednij srok. – Rezhim dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=22931&p=1> (data obrashhenija: 21.04.2022).
2. Gadzhiahmedova M.H. Jevoljucija ponjatija stil' hudozhestvennoj literatury v otechestvennom literaturovedenii // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2021. T. 36, vyp. 3. – S. 54–61.
3. Kozhemjako B.C. Valentin Rasputin. Bol' dushi. – M.: Algoritm, 2007. – 288 s.
4. Bedrikova M.L. Hudozhestvennaja koncepcija lichnosti v tvorchestve V.G. Rasputina 1990–2000-h godov. – M., 2005.
5. Kotenko I.I. Valentin Rasputin. Ocherk tvorcestva. – M., 1988.
6. Pessjanikov K.D. K voprosu ob avtorskoj perekodirovke hudozhestvennogo teksta // Uspеhi gumanitarnyh nauk. 2021. № 11. – S. 54–57.
7. Vinogradova O.N. Pouchenie o neprotivlenii zlu nasiliem kak dominanta romana L.N. Tolstogo «Voskresenie» // Uspеhi gumanitarnyh nauk. 2019. № 5. – S. 205–209.
8. Sat N.D. Jeticheskij ideal v pozdnej proze L.N. Tolstogo // Uspеhi gumanitarnyh nauk. 2022. № 2. – S. 17–22.
9. Alieva Je.K., Asadulaeva G.H. Hronotop romana F.M. Dostoevskogo «Po-drostok» // Uspеhi gumanitarnyh nauk. 2021. № 9. – S. 224–228.
10. Sigov V.K. Avtor i geroj v povesti V. Rasputina «Poslednij srok» // Zhanrovo-stilevye problemy sovetskoy literatury. – Kalinin, 1983. – S. 91–105.
11. <https://dic.academic.ru/> (data obrashchenija: 21.04.2022).

Поступила в редакцию 25 апреля 2022 г.

UDC 882-31 Rasputin.06

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-3-65–72

"The Last Term" by V. Rasputin: Time and Space and Various Forms of Their Embodiment in the Story

D.M. Nazhmutdinova, Sh.A. Mazanaev

Dagestan State University; Russia, Republic of Dagestan, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; djama-magomedova@mail.ru

The article considers a number of features of the novel "The Last Term" by Valentin Rasputin. The purpose of the article is to describe the categories of time and space and some forms of their embodiment in the given work. The following topics and problems are described: author's speech, close to the manner of speech of the heroes; plot elements (descriptions of the nature or memories of the heroes, author's digressions); direct author ratings; vital, ambiguous characters in their temporary variability; combining two different points of view on what is happening as a significant sign of poetics; nature and memory as a measure of human spiritual maturity; the image of the Sun as a symbol of immortality and resurrection; improper-direct speech as a combination of author's narrative and character speech; images of children and the future in the story. The influence of L.N. Tolstoy ("The Death of Ivan Ilyich") was noted; in this regard, the topic of the attitude of a person of labor to death, as well as the "right to self-disclosure" of some characters, is revealed.

The scientific novelty of the article consists in identifying various forms of expression of author's consciousness (self-disclosure of characters, assessment of heroes and events from the standpoint of other people), as well as in describing the problems of the spiritual state of man and society, expressed through various forms of time and space. The main character of the story Anna, whom the author trusts his most intimate thoughts is described, as well as the real every day time and space characteristic of the heroine, who is simultaneously involved in eternal topics. In the center of the analysis are the theme of Anna's death and the wealth of her spiritual world, due to a harmonious connection with the rest of the world.

Keywords: time and space, author, plot, memory.

Received 25 April 2022